«...Жить единым человечьим общежитьем», или Теория общины

Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНЛАНД, 2016. — 480 с. ISBN 978-5-9710-3745-3

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-2-179-187

Фраза из известного стихотворения Маяковского вынесена в заголовок этой рецензии недаром. Стихотворение настолько известно, что многие из людей моего поколения, думаю, знают его наизусть. Оно входило в школьную программу в советское время. А весь фрагмент, из которого выдернуты эти слова, просто искрит энергетикой революционной романтики: «Мы живем, зажатые железной клятвой./За нее — на крест, и пулею чешите:/это — чтобы в мире без Россий, без Латвий,/жить единым человечьим общежитьем». Мне просто хотелось с самого начала этого разговора о сельской крестьянской общине, на который провоцирует монография Л.Б. Алаева, подчеркнуть, насколько интересными были в 20-е годы прошлого века воззрения на будущее общечеловеческой цивилизации таких апостолов теории прогресса, как «марксисты-ленинцы». Нельзя не отметить, что и сегодняшние «общечеловеки» с их глобально-экономическими взглядами обеими руками проголосуют за «мир без Россий, без Латвий», в котором все будет сделано по уму «невидимой рукой рынка». И для меня это — повод лишний раз прокричать со страниц своих публикаций о том, что невелика разница между советским «марксизмом» и западным антикоммунизмом, как бы ни бросалась она в глаза чисто внешне. Обе идеологии — суть две ипостаси теории общечеловеческого прогресса. А вот разница между ними обеими, с одной стороны, и методологией крестьяноведения — с другой, принципиальна.

Монография Л.Б. Алаева создает очень хорошую возможность для разъяснения этой отнюдь не бесспорной и не очевидной, но все-

таки истины. У Т. Шанина в глубоком исследовании, посвященном крестьянской революции в России[1], есть комментарий по поводу стремительного перехода в 1990-е годы многих российских историков и обществоведов «из ярых марксо-прогрессистов в не менее завзятые рынко-прогрессисты». Он объясняет это как раз тем, что и то и другое — не более чем вариации на тему прогресса[2]. А теория прогресса к крестьянам и их общинным организациям склонна относиться снисходительно. Мол, если и есть в социальной практике человечества что-нибудь допотопное, отжившее, пережиточное, то это именно оно. Мне понадобилось в данном контексте в который раз апеллировать к остроумным замечаниям Шанина, чтобы сказать главное и сразу: с моей точки зрения, Л.Б. Алаев подвергает уничтожающей критике «марксо-прогрессизм» в столь нескучном вопросе, как крестьянская община, с позиций «рынко-прогрессизма». А это похоже на выстрел себе же в ногу. Но теперь, выдав этот общий вердикт, я попробую подробнее поговорить о некоторых деталях.

Леонид Борисович Алаев, несомненно, является настоящим экспертом в проблематике сельской общины. Его владение литературой, как русскоязычной, так и зарубежной, вызывает большое уважение. А его критика даже не марксизма, а именно самого К. Маркса в этом вопросе составляет, по-моему, самые блестящие страницы рецензируемой книги. Так, поймав классика на противоречии между его взглядами, высказанными в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» и обнаруженными в набросках письма к Вере Засулич, он пишет (и не согласиться с этим невозможно): «Советские марксисты испытывали большие трудности с использованием Марксовой схемы эволюции общины. Ею нельзя было пользоваться, но ее нельзя было и отбросить. ...Основная трудность заключалась в том, что — по определению — все слова Маркса являются абсолютной истиной, но в его работах, как мы видели, отражены разные концепции эволюции общины. Эта трудность преодолевалась в основном разведением разных цитат в зависимости от тематики. Когда речь шла о конкретной стране и конкретных общинах, использовалась схема из набросков письма к Вере Засулич, а когда шли разговоры о всемирной истории, о Западе и Востоке, об “азиатском способе производства” и прочих высоких материях, то исследователи обращались к “Формам, предшествующим...”» (с. 36).

И вот тут, кажется, ученый загоняет себя в ловушку. Он обнаружил явное жульничество и не мог не возмутиться, как и мы сейчас

1. Некоторые крестьяноведы пишут об «общинной революции», но здесь нет противоречия, т.к. в крестьяноведении слова «крестьяне» и «община» — в известном смысле являются синонимами (см.: *Люкшин Д.И.* (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.)
2. *Шанин Т.* (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг.: Пер с англ. М. С. 17.

задним числом возмущаемся, понимая, насколько он прав по отношению к советской историографии. Ловушка в том, что, критикуя марксизм, необходимо было нащупать под ногами какую-то твердую почву — в виде антимарксизма. И автор не нашел ничего более пригодного для этого, чем антикоммунизм, то есть рыночно-либеральная доктрина. Он обратился к полемике между отечественными историками-аграрниками и соотечественниками Маркса из «констанцской исследовательской группы»[3], тяготея к последним, поскольку они разоблачали общинные иллюзии классика. Алаев упоминает об этом на первых же страницах введения, которое он задиристо озаглавил «О том, что все знают», намекая, что общепризнанные и широко распространенные взгляды на крестьянскую общину составляют ложное знание, а настоящее, адекватное знание — удел немногих. «Нельзя сказать, что у меня нет солидных союзников, — пишет в этой связи автор. — Это, во-первых, великий французский историк Фюстель де Куланж (1830–1889), у которого я заимствовал, в частности, формулировку, ставшую заглавием данной книги ("Община — роман, вставленный в историю"), это, во-вторых, целая плеяда немецких историков, разложивших так называемую "общинную теорию", если можно так выразиться, "по камешкам" и показавших, что она не только не верна, но — еще того хуже — сводит богатую аграрную историю Германии в хилый теоретический ручеек» (с. 9). Там есть и «в-третьих», и «в-четвертых» — например, Н.П. Павлов-Сильванский, чье имя «известно, но его идеи искажаются, а затем критикуются» (с. 10)[4]. Эта фраза озадачивает: а может быть, и я предварительно искажаю идеи Л.Б. Алаева для удобства критики? Отгоняя от себя эту мысль, здесь лишь выражу сожаление, что историк, готовясь занять свою единственно верную теоретическую позицию по сельской общине (и, похоже, раз и навсегда), углядел совершенную правоту немецких критиков Маркса, напрочь отказав в какой бы то ни было основательности аргументации их российских оппонентов, например, В.П. Данилова[5]. В последнем он видел адепта «марксизма-ленинизма» по аграрному вопросу (с. 12, с. 130-131), но это ошибка. Иначе

3. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). / Под ред. В.В. Бабашкина. М. С. 320.
4. О критике идей Н.П. Павлова-Сильванского см.: *Эммонс Т.* (2018). Проблема «особого пути» России в позднеимперской историографии // «Особый путь»: от идеологии к методу. М. С. 159-165.
5. По мнению В.П. Данилова, исследования «констанцской группы» сводились к попыткам «представить развитие сельской общины в целом (равно в Европе, в России, в Индии...) в виде "дискретного", т. е.. прерывистого процесса, выражающегося в том, что общинные организации периодически возникали и исчезали, не будучи связаны между собой ни генетически, ни сущностно». А их оппоненты «в ответ говорили о том, что из исследований "констанцской группы" вовсе не следует вывод ни об отсутствии сельской общины у германцев до XII–XIII вв., ни об отрица-

не было бы в отечественной аграрной историографии рассыпанного набора в издательстве «Мысль» в 1966 году подготовленного под руководством Данилова двухтомника «Коллективизация сельского хозяйства в СССР»[6]. Иначе не была бы без объяснения причин закрыта в 1976 году работа руководимой Даниловым секции «Общинные организации сельского населения» Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы[7].

Иначе не принялся бы с таким энтузиазмом В.П. Данилов вместе со своим английским коллегой и другом Т. Шаниным за организацию регулярной работы международного междисциплинарного теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития». Вот это была настоящая оппозиция вульгарному марксизму по аграрному вопросу. Цель семинара — ознакомить российскую научную общественность с тем, что к тому времени (самое начало 1990-х годов) на Западе уже имело по меньшей мере тридцатилетнюю историю развития под названием *Peasant Studies*, — с теорией и историей обществ аграрной цивилизации. По понятным причинам ничего подобного в советском обществоведении развиваться не могло, ибо данный методологический подход содержит совершенно иной взгляд на сельскую общину по сравнению с марксизмом — как с вульгарным советским, так и аутентичным. Нельзя сказать, что эта цель семинара достигнута вполне, поскольку многие коллеги, которым, казалось бы, это необходимо, продолжают, что называется, «в упор не видеть» в современной отечественной аграрной литературе того, что с легкой руки одного из самых авторитетных участников *всех* пятнадцати заседаний семинара А.В. Гордона получило название «*крестьяноведение*». Однако это, убежден, дело времени[8].

Много усилий, к примеру, приложили Марченя и Разин, поддержанные коллегами и единомышленниками из РГГУ, чтобы организовать 5 марта 2018 года на площадке этого университета Всероссийскую научно-практическую конференцию «Крестьянство в истории XX века: Восток, Запад, Россия». На секции, посвященной российским аграрным сюжетам, выступил Л.Б. Алаев с изложением того, что, по его мнению, мало кто знает да никто особенно и не желает знать из истории крестьянской общины в России.

нии родства марки и более ранних форм общины» (Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 320.

6. См.: *Кондрашин В.В.* (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Т. 8. М.
7. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 322-323.
8. См.: *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. М., 2012. С. 376.

Он уверенно высказался против того общепринятого взгляда, согласно которому сельская община существовала у наших предков ровно столько, сколько существуют сами мелкие сельские земледельцы, и представляет собой естественную форму их социальной организации. На самом деле, говорил он, крестьянская передельная община с круговой порукой в вопросах выполнения тягла создавалась вотчинниками и помещиками не ранее XVII–XVIII веков. А в XIX веке к этому делу подключилось государство, резонно полагая вслед за крупными земельными собственниками, что община — очень удобная форма организации, позволяющая усиливать экономическую эксплуатацию крестьянства почти беспредельно. Честно говоря, на соответствующих страницах «Романа, вставленного в историю» мне не удалось обнаружить какие-либо аргументы и факты в пользу такого взгляда на вещи. Аргументация осуществляется по принципу «мое слово против твоего слова». Так, в одном месте автор резюмирует: «Материалы свидетельствуют, что не уже сложившаяся община попадала во власть помещика, а помещики создавали общину из попавших в крепостную зависимость от них крестьян» (с. 106). Между тем, если посмотреть на приводимые в этой связи в рецензируемой монографии материалы под углом зрения крестьяноведения, они могут запросто засвидетельствовать и нечто совсем иное. По-видимому, людям определенных теоретических и политических убеждений удобнее, комфортнее полагать, что в аграрной истории стран Западной Европы и России значительно больше общего, нежели об этом говорят и пишут исследователи, фокусирующиеся на российской специфике, на «особом пути» России. И в первую очередь такой теоретический подход, естественно, затрагивает наиболее массовую, масштабную историческую реальность в вопросе о том, к какому типу ведения хозяйства тяготели наши крестьянские предки — к общинному или частновладельческому.

На это выступление Алаева на конференции в РГГУ жестко и эмоционально отреагировал известный специалист по народнической литературе второй половины XIX века В.В. Зверев. Он подчеркнул, что претензия на научную оригинальность в данном случае совершенно неуместна, поскольку заявленная теоретическая позиция — не более чем воспроизведение популярной когда-то полемики между историком-государственником Б.Н. Чичериным и историком-почвенником, приверженцем идеи «особого пути» России И.Д. Беляевым. Кстати сказать, Маркс очень интересовался содержанием этих споров и даже просил одного из постоянных своих корреспондентов переводчика на русский язык «Капитала» Н.Ф. Даниельсона держать его в курсе. С тех пор, по словам Зверева, в историографии сделано немало в подтверждение того, что позиция Беляева тогда была существенно ближе к исторической реальности. Так что возвращение к той прежней постановке вопроса под видом некой научной новизны вряд ли имеет смысл. О том, что

делалось в этом направлении в исторической науке, говорил в 1994 году В.П. Данилов на заседании семинара по обсуждению монографии классика *Peasant Studies* Р. Редфилда «Малое сообщество. Крестьянское общество и культура». Вспоминая в подробностях работу секции «Общинные организации сельского населения» на XIV сессии Симпозиума по аграрной истории в Гродно 25–29 сентября 1972 года, он, в частности, сказал: «По сути, мы тогда возвратились к старым спорам времен Беляева — Чичерина, однако это возвращение положило начало их преодолению. В основе старых споров лежало характерное сведение признаков общины к “обязательной уравнительности наделов”, сословной замкнутости и круговой поруке[9], а следовательно, трактовка общины как именно поземельной организации. Гродненская дискуссия содействовала более широкому пониманию общины не только как поземельной (и шире — социально-экономической) организации, но и организации местного самоуправления, сохранявшей демократические начала даже будучи интегрированной в систему государственного управления.

Традиционное культурно-бытовое единство придавало общине законченность целостного “мира”, охватывающего все стороны жизни его членов. Можно сказать, что тогда, в дискуссиях первой половины 1970-х годов, мы пришли к пониманию того универсализма общины как социальной организации сельского населения, которое с такой полнотой и системностью изложил в своей работе Р. Редфилд»[10]. Стоит ли удивляться тому, что работа секции в административном порядке была свернута? Ведь такой взгляд на характер организованности и самосознания российского крестьянства как огромного большинства населения страны был чреват существенными поправками к логике сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», в которую, как в прокрустово ложе, была загнана советская историография — даже и после хрущевских разоблачений на XX съезде партии. Наиболее красноречивым примером в подтверждение этого может служить грандиозный документально-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.», осуществлявшийся под руководством Данилова и Шанина[11]. То обстоятельство, что с учетом научных результатов этого проекта по всем швам трещит идеологический шаблон Великой Октябрьской социалистической революции, — полбеды. В 1990-е годы идейно-политическое руководство страны в любом случае как-то должно было от него избавляться. А вот то, что сегодняшний паллиатив — Великая российская революция 1917 года

9. *Ключевский В.О.* (1908). Курс русской истории. Ч. II. М. С. 378.
10. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 321-322.
11. См.: *Кондрашин В.В.* (2014). Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: научный проект и научная концепция // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара. С. 341-347.

(ВРР) — так же плохо совмещается с представлениями о самоорганизованной длительной и упорной крестьянской общинной революции, это уже серьезнее. Так, в пресловутом едином школьном учебнике истории два параграфа посвящены ВРР — о Феврале и об Октябре 1917 года (напоминает попытку впрячь в одну телегу коня и трепетную лань). И там речь о чем угодно, только не о майском съезде крестьянских и солдатских депутатов. Более того, известные 242 крестьянских наказа все-таки вскользь упоминаются. Однако они, оказывается, поступили в адрес I съезда Советов (?!)[12].

В этой связи вспоминается другой школьный учебник русской истории для средних школ. Он был создан в результате долголетней педагогической деятельности выдающимся представителем государственной школы в отечественной историографии С.Ф. Платоновым. Изданный двумя частями в 1909–1910 годах, он сразу и заслуженно стал самым популярным школьным учебником истории в России. Наверное, он сложноват для школьников нынешнего «поколения ЕГЭ», но написан таким хорошим языком и настолько качественно с научной точки зрения, что не удержусь и выскажу крамольную мысль. Зачем было затевать всю эту чехарду с тремя линейками единого школьного учебника, если можно было просто переиздать этот великолепный труд, закрывающий главные сюжеты отечественной истории по эпоху Александра III включительно?

Как мы помним, Зверев попенял Алаеву не только за обращение к старой полемике как якобы новому слову в науке, но и за солидарность с позицией государственника Чичерина. А ведь в учебнике государственника Платонова интересующий нас исторический сюжет излагается в полном соответствии с теми мыслями об общине, которые в том споре озвучивал почвенник Беляев[13]. Причем Платонов самой судьбой своей показал, что русский историк может быть не только теоретиком, но и практиком государственности. Собравшись было к 1917 году на покой, он после большевистского переворота увидел не только угрозу российской государственности, но и большие перспективы ее укрепления, и счел своим гражданским долгом встать «в ряды повседневных работников»[14]. В 1920 году он — действительный член Академии наук, в 1929 году — академик-секретарь отделения гуманитарных наук АН СССР. Своей профессиональной и общественной деятельностью Платонов внес весомый вклад в развитие отечественной государственности. Но что мне представляется особенно важным, он тем самым подкрепил убеждение автора знаменитой монографии «Рос-

12. История России. 10 класс (2017). Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение. С. 44.
13. *Платонов С.Ф.* (1996). Учебник истории для средних школ. Петрозаводск: Корпорация «Фолиум-норд». С. 130-134.
14. *Брачев В.С.* (2006). Травля русских историков. М. С. 35.

сийские крестьяне и Советская власть» М.Л. Левина в совершенной необходимости в нашей исторической науке того, что можно назвать «смыканием периодов»[15].

Дело в том, что обе упомянутые выше разновидности теории прогресса единодушно полагают год 1917-й чем-то вроде водораздела в российской истории. Это либо прорыв в светлое будущее («марксо-прогрессизм»), либо уродливое отклонение от нормы с последующей необходимостью к этой норме возвращаться («рынко-прогрессизм»). Но для крестьяноведения важнее другое: и в тот бурный год, и в последующие годы продолжилась тысячелетняя история общинно-крестьянской России. Как говорил М.Л. Левин о времени коллективизации, «крестьянство ушло в историю, но это как раз то прошлое, которое очень мощно влияет (чтобы не сказать "давит") на настоящее — через культуру, тип личности и социальную психологию советских людей»[16]. Увы, для людей, мыслящих, как Алаев, это — чушь, иллюзия. Об общинных архетипах соотечественников они и речь не ведут. Автор «Романа, вставленного в историю» пишет, что к лету 1932 года все земельные общества прекратили свое существование, а главу под названием «Русская община как базис раздумий о судьбах Родины» завершает следующим образом: «Так возникла, расцвела и погибла русская община, оставив послевкусие, достаточное для длительного жевания» (с. 130-131). Что ж, как говорится, «пожуем — увидим».

Добавлю лишь, что в рамках этого «жевания» в начале нового тысячелетия развивалась настоящая драма, связанная с именем видного исследователя общинной истории средневековой Руси И.Я. Фроянова. Как пишет автор его научной биографии В.С. Брачев, «разработанная им концепция общинного строя Киевской Руси позволяет по-новому взглянуть на историю России — эта концепция показывает, насколько сильными оказались в нашем народе заложенные в нем еще в глубокой древности общинные, коллективистские, демократические начала: мирская поддержка, взаимопомощь, стремление к равенству и справедливости, негативное отношение к стяжательству и корыстолюбию»[17]. В 1997 году ученый опубликовал работу, связанную с осмыслением судеб Родины в XX веке[18], содержание которой непосредственно связано с его историософскими убеждениями и созвучно тому, что выше обозначе-

15. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). С. 312.
16. Там же. С. 311. См. также: *Бабашкин В.В.* (1996). Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М.: РОССПЭН. С. 276-284; *Бабашкин В.В., Толстов. С.И.* (2016). Особенности аграрного реформировании 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. № 2. С. 216-234.
17. *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 204-205.
18. *Фроянов И.Я.* (1997). Октябрь семнадцатого. (Глядя из настоящего). СПб.

но как «крестьянская революция в России». За это и за изданную двумя годами позже монографию «Погружение в бездну»[19] историк подвергся травле в отечественной либеральной «демократической» прессе, результатом которой стал его уход с должности декана исторического факультета Санкт-Петербургского университета (2001) и с должности заведующего кафедрой русской истории (2003). При этом, по свидетельству Брачева, «несмотря на оголтелость нападок на И.Я. Фроянова, даже злейшие недруги его были вынуждены ограничиться критикой работ ученого исключительно по новейшей истории России, молчаливо признавая тем самым незыблемость его вклада в разработку истории Древней Руси как автора оригинальной концепции о доклассовом и общинном характере ее общественного и государственного строя»[20].

Я не уверен в том, насколько готов к такому молчаливому признанию автор «Романа, вставленного в историю». У него есть отличное, глубокое определение того, что есть сельская община (с. 17-18). Однако применение этого определения как инструмента для проведения широкого историко-сравнительного анализа Л.Б. Алаев полагает некорректным и неуместным. Именно такие вещи он и называет «романом об общине» (с. 52-53) в западноевропейском смысле этого слова — беллетристика, выдумка, *fiction*. Но ведь есть у нас великие литературные произведения об общине, напрочь опровергающие этот смысл слова «роман». «Устои» Н. Златовратского, «Деревенские будни» его же, «Письма из деревни» А. Энгельгардта, «Власть земли» Г. Успенского — это всего лишь первое, что приходит в голову. Назвать беллетристикой все эти произведения мыслителей, свидетельствующие о присутствии у наших соотечественников того, что в *Peasant Studies* давно уже называют «моральной экономикой крестьянства», как-то язык не поворачивается. Впрочем, это уже тема для отдельного большого разговора.

“A human coexistence way of life”, or a theory of the rural community

Vladimir Babashkin, Professor Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

19. *Фроянов И.Я.* (1999). Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб.
20. *Брачев В.С.* Указ. соч. С. 200.